

Мое кинематографическое - 1956 - 23 ноября - с. 2

КАК Я СТАЛ НОВГОРОДЦЕВЫМ

В 1972 году я из джаз-оркестра перешел в руководители одного из первых русских поп-ансамблей "Добры молодцы". Там мы работали с Юрием Антоновым, Жанной Бичевской и прочее. И получилось, что мою фамилию, немецко-звучащую Левенштейн, объявлять как руководителя ВИА "Добры молодцы" было совершенно... безумно.

Тогда и появился Новгородцев. Эту фамилию носил помощник капитана на пароходе "Верхоянск", на котором я плывал третьим штурманом. Потом он умер от сердечного приступа. Он был очень хороший мужик, и мы с ним приятельствовались. Детей у него не было: я и подумал, что фамилии пропадать... Когда "молодцы" пошли в гору, стали гастролировать, на афишах была эта фамилия, — приходишь на телевидение — там пропуск на Новгородцева заказан. Много неудобных ситуаций было, в результате чего я поменял фамилию официально. Вставили в паспорт — Новгородцев, я русский по мамке... Когда пришлось эмигрировать, я поменял свою фамилию назад. Ко мне вернулась моя фамилия с международным звучанием. Здесь, конечно, жить с фамилией Левенштейн гораздо легче: Новгородцев надо пояснять по телефону как пишется. Да вы и сами знаете, хотя у вас легче...

— У меня там "ч" есть, — обихажусь я.
— М-да, а у меня "ц", — вздыхает он... Меня всю жизнь занимало, что же это за фамилия такая, что она значит. В переводе с немецкого "Левенштейн" значит "львиный камень". Я узнал из истории, что все фамилии появились в XV веке во время переписи еврейского населения, когда велено было, чтобы все писали не только имя и отчество, но и фамилию. Вот тогда и появились все эти Талли, Канцлиейбогены и прочее.

На прошлой неделе я сделал колоссальное открытие, рассматривая карту Германии: я наконец-то нашел то исходное, крохотный город, обозначенный просто, как мушиная точка, — Левенштайн. Я еду туда — посмотреть на корни интересно, сфотографироваться у знака при въезде в город, так что нашел человек свои корни наконец.

ПОЧЕМУ Я УЕХАЛ ЗА ГРАНИЦУ?

Если Москва — это большая деревня, то Лондон — это деревня маленькая. Оно и понятно, нас всего-то здесь "кучка мала"... Поэтому слухов друг о друге ходит немерено. Об отъезде Севы из России говорят много. Рассказывают, что у него были неприятности по творческой части, говорят, все друзья разбежались по Израилу, Америке и Германии, наконец, будто у жены Севы были неприятности с валютой, грозила расправа, ведь старожилы помнят, сколько людей погорело на "обменных", как их теперь называют, операциях...

— Я в заграничье абсолютно разочаровался, знал, что русскому человеку там делать нечего, что он будет, как правило, либо на разведку работать, либо грузчиком — все эти люди абсолютно несчастны.

Но так случилось, что вся моя музыкальная деятельность в СССР наталкивалась на худсоветы, идеологию и так далее. "Добры молодцы" в первом году пришлось сыграть 11 худсоветов, каждый раз к ним нужно было готовиться, и в это время артист живет без зарплаты, потому что нет выступлений. В Росконцерте я правдами и неправдами доставал какие-то деньги для музыкантов, чтоб подкармливать. Вот такая и была жизнь.

Короче, все потуги привели к 74-му году, когда мы были на гастролях вместе с "Добрыми молодцами" и играли "стадионы" (выходили на 4-5 песен), я заголодал. Тогда было очень модно голодать по системе йогсов с разными там промываниями и прогулками, и я заголодал на 21 день. На 16-й день у меня случилось духовное прозрение — плоть была почти умерщвлена, а дух освободился, я увидел, что занимаюсь абсолютной брехней: какие-то гастроли, какие-то ставки, кто-то за дамами гоняется, кто-то там что-то скупает в магазинах. Я совершенно в этом разочаровался, уволился, уехал в Москву, где размышлял над смыслом жизни последующие 8 месяцев. А тут супруга моя Галочка с сестрой вкупе начала пилить: "Давай уедем, уедем..." У нее свои были неприятности с резидентом из комитета из-за своей работы в международном отделе в аэропорту.

Я поехал из чистого азарта: делать было нечего, моя музыкальная карьера была окончена, моя последняя попытка устроиться на морской флот провалилась, хотя для работы там у меня были все основания: два диплома (морской и переводческий), а кроме того мой отец был приятелем начальника Инфлота еще с 30-х годов. Но вмешался КГБ и все карты перемешал. Никто тогда не хотел брать ответственность за потенциального отъезженика. Для них я был просто полувревер, а то, что у меня отец 50 лет на флоте отработал и то, что у него 2 ордена Ленина, то, что он фактически восстановил флот в Эстонии после войны, — это все их не касалось. Для отца это был колоссальный удар.

А я понял, что не судьба. У меня даже была мысль, хоть бы до пенсии перебраться, я хотел залезть, как таракан, в щель, играть на саксофоне непрофессионально то, что я хочу, и зарабатывать на жизнь. Уезжал я подготовленным, потому что от эмиграции не ждал ничего хорошего. Я мог буксировать Гудзону везти, если было надо, на саксофоне играть в ночном клубе... И я очень Галочке благодарен за то, что она меня вывезла, потому что сам бы я не поехал. Но, кстати, поступив на Би-би-си, я стал не второстепенным англичанином, а первостатейным русским, так что у меня все хорошо.

— Вы все еще с вашей женой?
— С Галочкой? Да что вы... Развелись уже 14 лет назад. Потому что ничего уже не склеилось, семейная жизнь иссохла, как дерево в пустыне. Познакомился я с одной английской актрисой на съемках фильма, потом опять встретились, я консультировал фильм, помогал ей с русским языком. Потом выяснилось, что у нас одинаковая какая-то сахарная аллергия.

— Так это у вас серьезно? — удивляюсь я, вспоминая, как мы пили кофе, а я туда положила сахар. Сева сказал: "Ну вы еще молодая, не знаете еще, что это такое".

— Да, то состояние живота, которое меня так мучило в России, именно она смогла объяснить. Я более родного человека себе представить не мог.

— Вас сроднила любовь к сахару?

— Там не только сахар, это нарушение определенного природного баланса в организме. Мне впервые кто-то смог объяснить это. Потому что я жил в стране здоровых людей, где если у тебя болит голова, то возьми таблетку от головы, а если живот, то — таблетку от живота, так что моих тонкостей там понять никто не мог. Все говорили: у тебя, наверно, язва. Однажды на гастролях я, пользуясь своим служебным положением, без очереди пошел на рентген, так как мне старичок-еврей сказал: "Молодой человек, ваш желудок нужно в учебник вставлять!"

Мы уже около 14 лет живем вместе. А Галочка тоже в Лондоне, встречаемся иногда в коридорах Би-би-си.

ТЫ ПОМНИШЬ, КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ?

— Начинать я на Би-би-си обыкновенным журналистом радиовещателем. Приходишь на службу, немного переводить, читаешь, потом дали мне половину передачи о популярной музыке. Где-то с 80-х годов активно участвовал во всякой киноработе: если снимали фильм о России, требовался консультант. Россия была тогда совершенно закрытая, данных никаких не было, и нужно было объяснять режиссерам все с самого начала: от произношения имен до того, как солдаты кирзовые сапоги надевали... У меня оказался тип ламп, который удерживает, казалось бы, бессмысленные детали, это как раз и пригодилось. И после того как фильм Би-би-си "Англичане за границей" получил пять премий, работы стало больше: создавалась ситуация, когда работа начала мешать халтуре. И я с 1984 года на вольных хлебах, мне оставили мою передачу, а так я на работу не хожу. Свобода у меня есть, но никакой уверенности в завтрашнем дне нет.

Я рассказываю Севе случай из детства, приведенный выше, спрашиваю, знал ли он, что его подпольно ловят, надеясь услышать гадости о Советском Союзе. "Было дело..." — задумчиво говорит он. "Говорили гадости о Советском Союзе?" — учительским тоном уточняю я. Пауза. Потом он смущенно признается: "Эти были шутки... И не столько о советской власти, сколько о слое советской жизни, на котором мы все выросли. Иногда это были какие-то эстрад-

Когда я позвонила ему по телефону, то он, пожалуй, даже немного удивился, типа кому у нас интересен и зачем все это нужно.

Встретившись, я поняла, что причиной тому была не просто скромность или застенчивость, а некая мягкая интеллигентность и подкупающая искренность. Здание Би-би-си расположено в известном Буш-Хаузе, в центре Лондона, там мне была назначена встреча. Я шла и вспоминала далекий случай из детства.

Много лет назад, когда у моих родителей были гости, я раскрыла некую тайну, ворвавшись на кухню, где взрослые, сгрудившись и судорожно крутя ручки приемника, переглядывались между собой и хихикали. Меня тут же выдворили за дверь, где мой товарищ по играм объяснил, что-де "черепу Севу Новгородцева ловят". Так я впервые услышала имя и фамилию этого человека.

что когда ранняя версия этого марша пелась, то в припеве были слова:

"Все выше и выше, и выше
Стремим мы полет наших птиц,
И в каждом пропеллере дышит...
(тут в сторону хор кричал "ПОБЕДА!")
Спокойствие наших границ".

Этот ход совершенно несвойственный российской музыкологии. А по-немецки это было:

"Унд хире, унд хире, унд хире,
Трарира-трари-ра-ра-ра,
Трари-ра-трарира, трарира..."

И вот в этом месте они кричали "ХАЙЛЬ ГИТЛЕР!", а наши переделали на победу. Это Юлий Хайт написал. Я знал — от военных музыкантов — что до войны марш был очень популярен, потом Юлиа Хайта вычистили, марш был запрещен на время. Это помнят только духовики старого разлива... Сейчас это все не имеет значения, но тогда...

Потом он читал мне различные отрывки, и я хохотала, как безумная, над его вопросами: почему Ленин на картине "В разливе" скрывается под личиной косара, а сам в "тройке" и драповом пальто; над его призывами "вдуться поглубже над смыслом песен", к примеру, о возможности привлечения Стеньки Разина по статье 102 за убийство с отягчающими последствиями, или ужаснуться от развратного поведения корабейника, который не только перепродает галантерейные товары, но и склоняет к сожительству простую жительницу села...

— У госбезопасности тоже была своя политика, им нужно было оправдывать свое существование. И тут я на тарелочке, прямо подарок. И ясно было, что это не один человек, а за ним стоит це-

ли, 800 человек встречали в аэропорту, забили все таможенные каналы, таможенники меня через заднюю дверь вытолкнули... Все было достаточно смешно и мило. Я понимал, что людям что-то нужно было дать, нельзя приехать, как какой-то чиновник, в галстучке и пиджачке. Ну вот и... А раньше, когда я джазистом был в 60-е годы, вообще стригся под американца, под "ежик". Кстати, выяснилось, что при моем типе лица длинные волосы смягчают... природную циничность, так я сейчас и ношу, стиль уже появился. Но когда я не позирую, я все равно забираю волосы в "пучок", а то они мешают жить.

Зрительно почти 90% народа представляют меня рыжим, толстым курителем сигар. Люди, слыша голос, дорисовывают все остальное.

Когда он был саксофонистом, вставал с утра и начинал совершенствоваться. Никто тебе не указ. Даже к нынешнему президенту Америки относится по-особому из-за того, что тот был саксофонистом. "Человек, который стоял в углу и дул в трубу, заведомо скверным человеком быть не может. У него есть сильный элемент идеализма, совершенной непрактичности. Например, для современного бизнесмена, который сегодня рупь вложил, завтра хочет два вынуть, стоять и дуть в угол — занятие совершенно безумное". — "Почему в угол?" — "Акустика хорошая", — поясняет Сева.

Все здание Би-би-си было не так давно объявлено некурящей зоной, это мне терпеливо объяснил Сева в ответ на мои ломки по поводу сигареты. Мы могли выйти на улицу, но там — какая случайность! — по английской традиции лил дождь. Мы пошли в Севину машину, где я с наслаждением закурила и полуболюшествовала о Севинем отношении к наркотикам.

— Наркомании в джазовых кругах в мое время не было. Она еще просто не дошла до нас. Впервые с марихуаной я познакомился, когда какие-то американцы дали мне... Когда я в рок-командах играл, они меня уже как старшего товарища косячком угощали; между отделениями отводили за сарай и давали затянуться. Но дальше этого дело не шло, все это было очень архаично и по-своему мило. Хотя некоторых музыкантов и в тюрьму сажали... Были, конечно, такие, которые утверждали, что они не могли импровизировать без этого, но это только кажется, что ты играешь лучше, а на самом деле это самообман.

Мне рассказывали, что в Перу люди жуют листья коки всю свою жизнь без всяких побочных для себя эффектов. Природное — это не вредно, я кстати про сахар считаю: если тебе хочется сладкого, возьми и съешь сахарную свеклу, там все в умеренных количествах, а выделенный сахар — это тоже наркотик.

В наши дни, кроме выпивания, которым я тоже не занимался, ничего другого и не было, жизнь была скучна. В музыкантской среде ходила грубая шутка: когда был джаз, все говорили о гармонии и жопе, а потом гармония кончилась, потому что пришли "три аккорда", так что можете понять, что говорили только о последнем. Мы жили в домостроевское время, когда вспоминаешь, то чувствуешь свежий воздух: наивность была какая-то. У нас была такая советская пылкость, идеализм, мы занимались искусством совершенно иностранным, и мы его идеализировали. Для нас оно было нечто теоретическое. Скажем, на тему о джазе у нас были написаны умнейшие книги, такие что и не поймешь. А встречаясь с джазовыми музыкантами, я видел, что для них это дело очень практичное. Известен случай, когда Чарли Паркера какой-то критик начал расспрашивать о тонкостях игры, на что тот ему ответил: "Ты лучше играй так, что анбодрена мать была — и все!"

ЕГО ФИЛОСОФИЯ

— Будущее всегда рисуют радужными красками, но когда оно наступает, то выглядит буднично и подчас одноцветно. В середине прошлого века, например, когда только начали получать алюминий, то он представлялся мечтателям из революционных

УКВ 41m ПАРИЖ 31m ПРАГА 25m ЛОНДОН 19m БУДАПЕШТ 16m БОНН 13m

ные миниатюры, иногда репризы, построенные на искажении всяких советских штампов... Много всякой чумы было... Но, кстати, в разоблачительных статьях обо мне, которые выходили в Союзе, критики с удовольствием всякую эту чепуху цитировали, типа показать, какой я подлец, а на самом же деле было просто смешно".

Я прошу конкретики, он лезет в портфель, достает огромных размеров папку, раскладывает ее прямо на колени, открывает наугад: "Например, это было во время гастролей в Ставрополе в 1972 году. Мы пришли в ресторан и попросили что-то курино. А принесли нам свиному. Ну, мы и придумали такое животное — свинокур. А тогда же было очень популярным движение юннатов, ну вот и получилось: "Юннаты вывели новую породу — свинокур-несушку с породистой свиноматкой, вернее, со свиноматом..." Этот свинокур несет яйцо в кожаной скорлупе, дает мясо питательных свойств, из него сделали блюдо "мастурба". Юннаты теперь поставили задачу сделать свиноккура, — тут Сева улыбнулся мне и произнес со значением, — дойным".

— В 1983 году я сделал колоссальное открытие, что "Все выше и выше, и выше" был написан на мотив нацистского марша. Я вышел подтверждать этому в библиотеке, это вызвал такой бум, представляет, марш Военно-Воздушных Сил Советского Союза! И была такая реприза в эфире, будто бы мне звонят с Би-би-си, просят проконсультировать насчет авиационной музыки, я им пою, а они мне отвечают: "Это же нацистский марш!" Скандал был страшный. Но на самом деле калка была полнейшая: в припеве немцы поют: "Унд хире, унд хире, унд хире!", что значит "Все выше!"

Советские музыковеды ответили, что это немцы с нас слизали. Но один старожил мне напомнил,

ный институт, группа...

Мне однажды в Москве показали одного человека, который, узнав мое имя, сказал: "Надо же, а еще полтора года назад я его разрабатывал!" Я нарисовал хартию Би-би-си: они бы никогда, особенно в ранние годы, не позволили себе ничего такого. Тогда я воспользовался старыми партизанскими методами и просек, что началось просто не в состоянии прослушать все. Что такое передача о поп-музыке? С их точки зрения это была невиннейшая программа, я вставлял шутки и с постным лицом их читал. Так все и началось.

ПИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ
ОБ ИМИДЖЕ И ГОЛОСЕ

Перед тем, как я увидела его в первый раз, то страшилась узреть перед собой лысеющего, с брешком "экс-музыканта", одетого в кожаную куртку и с серьгой в ухе. С облегчением я ничего подобного не заметила, но когда он повернулся спиной, обратила внимание на длинный седовласый хвостик. Мне не могут нравиться мужчины средних лет с хвостиками, решила я.

Могут, удивилась я, продолжая брать у него интервью. Еще как могут, подумала я, наконец очарованная его бархатным голосом, спокойной улыбкой и какими-то несовременными заворачивающими манерами. Не выдержав и запинаясь, я наконец решилась: волосы, спрашиваю, отчего у вас такие?

— Пришлось отрастить, так как к 90-му году я из голоса стал превращаться в лицо. До того времени я только говорил, никто меня не видел и не знал, а в 90-м году у меня фан-клуб в России был организован с отделениями в 20 районах страны, короче, они начали в мой день рождения собираться на слет, в палатках жили... Ну и меня пригласи-

демократов некоей субстанцией равенства, братства и счастья. Ну и что же? Спусти 100 лет вся армия ест из алюминиевых плошек, очень неуклюжее занятие. Алюминиевые вилки и ложки подают в любой столовой.

А что же революционные демократы? — задается Сева вопросом с чисто ленинским р-говорком и со вздохом делится, — они канули в прошлое вместе со столовым серебром.

БЛИЦ

— Нравятся ли вам "новые русские"?

— Честно говоря, в богатых людях, как в русских, так и в западных, я сильно разочарован. Специально дружить не иду. Я встречался с русскими миллионерами, но общение после 2-3 встреч дальше не идет. Вообще, дружба с богатым человеком — одно из самых бесполезных занятий на свете, потому что от богатых людей денег не увидишь, так как всю свою жизнь богатые люди только тем и занимаются, что добыванием денег, в подавляющем большинстве своем — люди они малоинтересные. И богатый человек компенсирует свою "неинтересность" обществом, которое они создают вокруг себя.

— Вы слились с английской жизнью?

— Мне никогда не удавалось слиться: там потерь, а здесь не прирос, хотя, наверное, я устроился лучше, чем другие.

Ну, наконец:

— Вы считаете себя "звездой"?

— Нет, конечно.

— А кем?

— Я — малая историческая сила...

Алена МУЧИНСКАЯ,
наш соб. корр. в Лондоне.
Фото Валерия ЛЕВИТИНА.